

Шамарова Гульсина Барыевна, Хурматуллина Рашида Шамсиевна

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДАСТАНОВ А. КУРМАШИ

В данной статье рассматриваются грамматические особенности отдельных частей речи языка дастанов А. Курмаши. Как показывает анализ, морфология языка произведений близка к современному татарскому литературному языку, в ее основе лежат чаще кыпчакские элементы. Употребление различных архаичных форм является следованием традиций письменного языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 169-174. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Розенталь Д. Э. Справочник по написанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб. 10-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005. 365 с.
10. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
11. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: Филологический факультет МГУ, 1998. 319 с.
12. Соловьёва Н. Н. Полный справочник по русскому языку. М.: Оникс; Мир и Образование, 2010. 464 с.
13. Становая Л. А. Скриптология. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) имени А. И. Герцена, 1989. 83 с.
14. Gelderen E. van. A History of the English Language: revised ed. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. 338 p.
15. Gneuss H. Guide to the Editing and Preparation of Texts for the Dictionary of Old English // The Editing of Old English: Papers From the 1990 Manchester Conference. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd., 1994. P. 7-26.
16. Godden M. Ælfric as Grammarian // Early Medieval English Texts and Interpretations, Studies Presented to Donald G. Scragg. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2003. P. 13-30.
17. Irvine S. Introduction // The Anglo-Saxon Chronicle: in 17 vol. Cambridge: D. S. Brewer, 2004. Vol. 7. Ms. E. P. xi-clxxi.
18. Kemmer S. Spelling and Standardization in English, Historical Overview [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~kemmer/Histengl/spelling.html> (дата обращения: 06.11.2016).
19. Lapidge M. On the Emendation of Old English Texts // The Editing of Old English: Papers From the 1990 Manchester Conference. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd., 1994. P. 53-68.
20. MS. CCC 302 [Электронный ресурс]. URL: https://parker.stanford.edu/parker/actions/page_turner.do?ms_no=302 (дата обращения: 06.11.2016).
21. MS. CCC 303 [Электронный ресурс]. URL: https://parker.stanford.edu/parker/actions/page_turner.do?ms_no=303 (дата обращения: 06.11.2016).
22. MS. CCC 383 [Электронный ресурс]. URL: https://parker.stanford.edu/parker/actions/page_turner.do?ms_no=383 (дата обращения: 06.11.2016).
23. MS. Cotton Faustina A, ix [Электронный ресурс]. URL: <https://www.le.ac.uk/english/em1060to1220/catalogue/surrogates.htm#BL.Faus.A.ix> (дата обращения: 06.11.2016).
24. MS. Cotton Vespasian D, xiv [Электронный ресурс]. URL: <https://www.le.ac.uk/english/em1060to1220/catalogue/surrogates.htm#BL.Vesp.D.xiv> (дата обращения: 06.11.2016).
25. MS. Harley 55 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Harley_MS_55 (дата обращения: 06.11.2016).
26. MS. Hatton 116 [Электронный ресурс]. URL: <http://bodley30.bodley.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/view/search?q=Shelfmark=MS.%20Hatton%20116> (дата обращения: 06.11.2016).
27. MS. Laud Misc 636 [Электронный ресурс]. URL: <http://bodley30.bodley.ox.ac.uk:8180/luna/servlet/view/search?q=Shelfmark=MS.%20Laud%20Misc.%20636&pgs=250> (дата обращения: 06.11.2016).
28. Szarmach P. E. Editions of Alfred, The Wages of Un-influence // Early Medieval English Texts and Interpretations, Studies Presented to Donald G. Scragg. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2003. P. 135-150.

ORTHOGRAPHIC NORM OF THE MIDDLE ENGLISH MANUSCRIPTS OF THE XII CENTURY: THE PECULIARITIES OF WORD DIVISION

Churlyayev Mikhail Alekseevich

Biryukova Evgeniya Viktorovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Moscow State Pedagogical University

maledictus6@yandex.ru; evb1303@rambler.ru

This article presents an overview of joint and separate spelling of content and functional words as one of the aspects of the orthographic norm by the example of the English manuscripts of the XII century in order to find out certain characteristic features inherent to the orthography of the Middle English manuscripts of that period.

Key words and phrases: orthography; orthographic norm; manuscript; word division; transcategorial affix; analytism; synthetism.

УДК 811.512.145

В данной статье рассматриваются грамматические особенности отдельных частей речи языка дастанов А. Курмаши. Как показывает анализ, морфология языка произведений близка к современному татарскому литературному языку, в ее основе лежат чаще кыпчакские элементы. Употребление различных архаичных форм является следованием традиций письменного языка.

Ключевые слова и фразы: А. Курмаши; грамматика; грамматические особенности; тюркология; аффиксы.

Шамарова Гульсина Барыевна, к. филол. н., доцент

Хурматуллина Рашида Шамсиевна, к. филол. н., доцент

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

gshamarova@bk.ru; rashida2008@rambler.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДАСТАНОВ А. КУРМАШИ

Ахмет Уразаев-Курмаши является одним из представителей татарской поэзии нового направления второй половины XIX века. В отличие от поэтов, писавших на языке, весьма разнородном по своему лексическому

составу и грамматическим формам, Ахмет Курмаши начал писать на языке, основанном на живой разговорной речи. В его поэтических произведениях «Кисса-и Тахир и Зухра», «Кисса-и Буз джигит» [4; 5] наблюдается органическое переплетение и соединение разговорного языка.

В данной статье хотим остановиться на некоторых грамматических особенностях, наиболее характерных для языка произведений Ахмета Курмаши.

При написании примеров мы будем пользоваться международной латинской графикой, так как она дает возможность правильно читать тексты, написанные арабскими буквами.

А – [a]	б – [b]	к – [k]	ң – [ŋ]
э – [ä]	п – [p]	з – [z]	х – [x]
о – [o]	в – [v]	с – [s]	h – [h]
о – [ö]	ф – [f]	ж – [ž]	р – [r]
ы – [y]	й – [j]	ш – [š]	
е – [e]	д – [d]	ж – [ǰ]	
ый – [yj]	т – [t]	ч – [č]	
и – [i]	г – [ǧ]	л – [l]	
у – [u]	г – [g]	м – [m]	
ү – [ü]	к – [q]	н – [n]	

Имени существительному в тюркологии присущи такие грамматические категории, как: склонение по падежам, число, принадлежность, определенность и неопределенность, сказуемость.

Категория числа. Понятие единичности предмета в дастанах передается именем существительным в форме единственного числа – без аффикса в конце слова. Идея множественности выражается двумя способами: морфологическим, т.е. при помощи аффиксов *-lar/-lär*, и лексико-семантическим.

Лексико-синтаксический способ множественного числа передается различными средствами: количественными числительными, наречиями *berniča* «несколько», *küb* «много», прилагательным *sansyz* «бесчисленный», при использовании имени существительного в качестве определения в изафете (*здесь и далее перевод авторов – Г. Ш., Р. Х.*):

(1) «*härkem miña meñ altun sädaqa ixsan qylsa*» [5, б. 3] / «если мне каждый даст тысячу золотых монет»;

(2) «*bolarny kürgän keşe jegermeşär jäşendä dib xyjal qyjlyr ide*» [Там же, б. 8] / «увидевшие их люди думали, что им по двадцать лет»;

(3) «*küb bäjetlär*» / «много байтов»; «*küb doşmanny eçendä*» [4, б. 19] / «среди множества врагов»;

(4) «*berničä kön*» [5, б. 19] / «несколько дней»;

(5) «*sansyz altyn*» [Там же, б. 3] / «бесчисленное количество золотых монет»;

(6) «*jäšem basqan küzemne*» [Там же, б. 20] / «глаза наполнены слезами».

Категория падежа. Категория падежа представлена, как и в современном татарском языке, шестью формами: основной, притяжательный, направительный, винительный, исходный, местно-временной.

Основной падеж морфологически противопоставлен всем остальным падежам отсутствием выделяющего его показателя.

Притяжательный падеж так же, как в современном татарском литературном языке, оформляется при помощи аффиксов *-ny/-neñ*:

(1) «*qyznyñ ata-anasy qyzyna äjter irde*» [4, б. 3] / «родители девушки говорили дочери».

В дастане «Кисса-и Буз джигит» зафиксированы уйгурские формы направительного падежа *-(i)gä/-(yj)ğa*, *-(i)ğa*:

(1) «*bagdad šähäriğä kälde*» [Там же, б. 48] / «пришел в город Багдад»;

(2) «*bu süzlärne Saxibğamal atasiga äjtüb*» [Там же, б. 39] / «Сахибжамал, сказав отцу эти слова»;

(3) «*xan qyzjğa äjtde*» [Там же, б. 15] / «хан сказал дочери»;

(4) «*töšene dustiğa äjteb, irtädin axşamğaça särgördän jördelär*» [Там же, б. 12] / «рассказав другу свой сон, с утра до вечера они ходили расстроенными».

Винительный падеж в основном имеет аффиксы *-ny/-ne*:

(1) «*qyznyñ Tahirgä birärsän*» [5, б. 5] / «дочь выдашь за Тахира». Однако в дастанах также встречается традиционная огузская форма аффикса винительного падежа *-y/-e* в форме *-uny/-ene* после аффиксов принадлежности 3 лицу единственному числу:

(1) «*Büz jeget dustyny küreb, ber nazym ajğanu*» [4, б. 30] / «Буз джигит, увидев друга, прочитал стихотворение»;

(2) «*qyzynu bik söjär irde*» [Там же, б. 24] / «он очень любил свою дочь»;

(3) «*xanğärlärene jäšereb tordylar*» [Там же, б. 18] / «спрятали кинжалы».

В единичном случае отмечен огузский вариант аффикса *-y* после аффикса принадлежности 1 лицу множественному числу:

(1) «*bahadirlarymyzu ülderde*» [Там же] / «он убил наших богатырей».

В дастане «Кисса-и Тахир и Зухра» четыре раза употребляется форма винительного падежа на *-dy*:

(1) «*Zur tubyñdy qyl inde, küb uñyñdy qyl inde dürt ğäğyna ğar itüb, zur uñyñdy qyl inde*» [5, б. 69]. /

«Веселый пир задай теперь, глупцам кумира дай теперь, Себя льстецами окружив, объять весь мир мечтай теперь».

Имя существительное в исходном падеже оформляется аффиксами *-dan/-dän, -nan/-nän, -din*:

(1) «*Tahirdän bu süzlärne išetüb*» [Там же, б. 9] / «услышав от Тахира эти слова»;

(2) «*Tahirne sandyqdan çygaryb, güzällegenä xajran qalyb tordylar*» [Там же, б. 48] / «Вытащив Тахира из сундука, они любовались его красотой»;

(3) «*köncügysdan kilebdü*» [4, б. 11] / «прибыв с Востока»;

(4) «*sandin*» / «от тебя»; «*jäs dä ütän dönjadin, jarly da ütän donjadin*» [Там же, б. 55] / «и молодой человек ушел из жизни, и бедный человек ушел из жизни»; «*qajğudan*» / «от горя».

Традиционный уйгурский вариант – аффикс исходного падежа *-din* часто наблюдается в дастане «Кисса-и Буз джигит». В большинстве средневековых тюркоязычных памятниках, не только среднеазиатских, но и поволжских, аффикс исходного падежа сохраняет древнеуйгурскую форму. Аффикс *-din* широко функционировал в старотатарском литературном языке.

Местоимение. В языке исследуемых дастанов встречаются две формы личного местоимения 1 лица единственного числа: *män* и *bän*. Личное местоимение 1 лица единственного числа «я» в дастане «Кисса-и Тахир и Зухра» [5, б. 72] употребляется в форме *män*, а в дастане «Кисса-и Буз джигит» [4, б. 64] – *bän*.

Форма с начальным [b], как известно, широко использовалась в старотатарском литературном языке вплоть до XIX века. Употребление личного местоимения 1 лица единственного числа с начальным [m] и [b] наблюдается и в тюркоязычных произведениях XIII-XIV вв.

Параллельно с местоимениями, характерными для современного татарского языка *min* «я», *sin* «ты», *ul* «он», *alar* «они», *şul* «тот», *ni* «что», *ket* «кто», *qajsu* «какой», употребляются огузские, чагатайские и уйгурские формы местоимений, встречаемые в древних письменных памятниках: *sän* «ты», *anlar* «они», *ošbu* «такой», *şundağ* «там», *nä* «что». Это объясняется тем, что в формировании старотатарского литературного языка сыграли немаловажную роль традиции тюркоязычной уйгурской письменности и древнетюркского языка.

Глагол. В дастанах иногда встречается архаичная форма аффикса будущего времени с желательным оттенком *-ğaj/-gäj*, характерная для древних письменных памятников:

(1) «*inde qajçan jörgäjmez, sezne kemdän sorgajmyz*» [5, б. 27] / «уж когда встретимся, у кого можно будет спросить о вас»;

(2) «*bezne iskä algajsän*» [4, б. 31] / «будешь вспоминать нас».

В современном татарском литературном языке аффиксы *-ğaj/-gäj* образуют желательное наклонение от глаголов с аффиксом отрицания.

Прошедшее время. В языке исследуемых дастанов представлены различные формы прошедшего времени: прошедшее категорическое (или очевидное) время, прошедшее результативное (или неочевидное) время, преждепрошедшее время.

Прошедшее категорическое (или очевидное) время образуется при помощи аффикса *-dy/-de* + личные аффиксы:

(1) «*xan qyzyğä äjtde*» [Там же, б. 15] «хан сказал дочери»;

(2) «*barçasyny Büz jeget ülderde*» [Там же, б. 16] / «Буз джигит всех убил»;

(3) «*äwälge sarajlaryna käldelär*» [5, б. 8] / «они снова пришли в прежний дворец».

Отрицательная форма образуется частицей *-mä*:

(1) «*qyz häm çyqtady*» [Там же] / «девушка не вышла».

Прошедшее категорическое время имеет ряд значений. Оно передает законченное и однократное действие, обозначает продолжительные и многократные процессы:

(1) «*qyz şul sägat uğanyb kitde*» [4, б. 2] / «девушка в тот час же проснулась»;

(2) «*Zöhrägä köndin-köngä süzlär äjtmägä baslady*» [5, б. 7] / «изо дня в день начал говорить Зухре слова».

Прошедшее результативное (или неочевидное) время. Основой прошедшего результативного времени являются формы на *-qan/-kän, -ğan/-gän, -myş/-meş*. Приведем несколько примеров, в которых употребляются вышеназванные формы:

(1) «*mäne qabul kürsäñ sän, töşdä qusqan allamyz*» [4, б. 5] / «если б ты принял меня, соединивший нас во сне Бог»;

(2) «*ber jul buldy ğanganmyñ, bu qajğyğa qalğanmyñ*» [Там же, б. 6] / «прошел год, как я уже страдаю, грущу».

Данное время обозначает прошедшее действие, которое в виде своего результата имеет продолжение в настоящем. По мнению Н. К. Дмитриева, семантика этого времени отразилась на его форме, сочетающей в себе аффикс прошедшего времени *-ğan/-gän, -qan/-kän* и показатель настоящего времени – личные аффиксы, оформляющие настоящее и будущее время [1, с. 253]:

(1) «*kürğan eteñ dosman ul, aramyzğa töşkän ul*» [5, б. 18] / «собака – это ярый враг встал между нами он».

В языке дастанов часто встречается огузская форма на *-myş*. В сочетании с личными аффиксами она также образует прошедшее неочевидное время и используется в наших дастанах для выражения действия, свидетелем которого говорящий не был, а судит о нем со слов других лиц:

(1) «*katasy berlä anasy äjde: "azğyn дәxi jeget qyzymyñny azdyrmyş"*» [4, б. 17] / «отец с матерью сказали: «Распутный парень и колдун развратил нашу дочь»».

Форма на *-myş/-meş* была характерна для современного письменного татарского литературного языка до октябрьского периода. В дастанах также наблюдается употребление временной формы на *-yb/-eb*, характерной для многих тюркских письменных памятников:

(1) «*ber töş bügen kürebmän, jarnuñ jözen kürebmän*» [Там же, б. 12] / «сегодня я видел сон, увидел лицо возлюбленной»;

(2) «*gyjšqynnan šärab ečebmän, ğan sörmädän kičebmän*» [5, б. 10] / «твоей любви вино я пил, в нем жизнь свою я утопил».

Форма на *-yb/-eb* сохранилась в нукратском говоре среднего диалекта, сергачском, мелекесском и других говорах западного диалекта, и в говоре барабинских татар восточного диалекта [3, с. 35].

Таким образом, синтетические формы прошедшего неочевидного времени *-myš, -yb(p)* претерпели в процессе развития большие изменения. Нормой для современного татарского литературного языка стала форма на *-ğan*.

Из аналитических употребляется преждепрошедшее (давнепрошедшее) время. Показателем преждепрошедшего времени являются формы: *-ğan/-gän, -qan/-kän, -yb/-eb, -myš+irde(ide)*. Например:

(1) «*Büz jegetneñ doşmanlary österäb qačyb kiäkän irde*» [4, б. 29] / «враги утащили Буз джигита волоком»;

(2) «*rum wä hind ostalary bina qyjmyš irde*» [5, б. 7] / «римские и индийские мастера построили дворец»;

(3) «*başyny juqary kütäreb irde, ber bağ kürende*» [4, б. 2] / «он приподнял голову, и увидел сад».

Формы *-myš, -yb/-eb+ide* широко использовались в памятниках тюркской письменности, в современном татарском литературном языке вместо них употребляются *-ğan/-gän, -qan/-kän+ide*.

В исследуемых дастанах довольно часто встречается временная форма на *-yr+ide*. Она образовалась от основы 1 (предположительного) при помощи вспомогательного глагола *ide*. Ранее эта форма имела значение прошедшего незаконченного времени. В современном литературном языке она используется писателями в стилистических целях для выражения регулярных действий в виде воспоминания. Например:

(1) «*jänä ber kön Tahir joqlar ide*» [5, б. 6] / «однажды, когда Тахир спал».

Форма на *-yr+ide* употребляется при выражении желания, зависящего от какого-либо условия:

(1) «*ni sora da birer idem dide*» [4, б. 3] / «я бы дала все, что она попросит».

Для выражения учтвого пожелания или смягчения повеления:

(2) «*beraz gyna sabyr qyjlsañ, Zöhräne birer idem*» [Там же] / «если бы немного потерпел, отдал бы за тебя Зухру».

Характерные для временной системы современного татарского литературного языка формы *-ačaq ide, -äčäk ide, -a torğan ide* не выявлены в языке дастанов А. Курмаши.

Повелительное наклонение. Представленные в языке дастанов глаголы в повелительном наклонении относятся ко 2-му и 3-му лицу обоих чисел и имеют следующие показатели:

Ед. число	Мн. число
2 л. –	-(y)ñyz / - ñez
3 л. -syn/-sen	-synlar

Форма повелительного наклонения зафиксирована в двух аспектах: положительный *kis* «отруби» и отрицательный *kermäsen* «пусть не заходит».

Повелительное наклонение выражает приказание (1), повеление (2) и просьбу (3):

(1) «*tiz šul xujänätče balanıñ başın kis*» [5, б. 24] / «быстро отруби голову этому предателю»;

(2) «*tiz artyndan baryñyz, bezdin xəbär salıñyz*» [4, б. 11] / «быстро идите за ним, сообщите о нас»;

(3) «*dustlarym, baryñyz, Zöhrägä äjteñez*» [5, б. 28] / «друзья мои, идите, скажите Зухре».

Для смягчения повеления или для придания ему большей категоричности поэт использует различные интонационные и грамматические средства, например:

(1) «*I adäm, oşbu ğalämne totub, küñleñdäge sereñne ujla*» [Там же, б. 4] / «о человек, приняв это послание, прислушайся к тайнам своей души»;

(2) «*wä zinhar bu serlärne keşegä söjlämäjäsez*» [Там же, б. 46] / «прошу, никому не выдавайте эти тайны».

Часто встречаются формы повелительного наклонения на: *-ğyl/-gel, -uñ/-eñ*:

(1) «*miña xəbär birlgel did*» [Там же, б. 3] / «известить меня, – сказал он»;

(2) «*torğyl wä šul atqa mengel*» [Там же, б. 33] / «вставай и садись на эту лошадь»;

(3) «*riza bulıñ dustlarym*» [4, б. 43] / «соглашайтесь, мои друзья»;

(4) «*isän bulıñ dustlarym*» [Там же, б. 46] / «прощайте, друзья».

Иногда в значении повелительного наклонения встречается форма на *-ğaj/-gaj*. Как известно, данная форма участвует также при оформлении будущего категорического времени. Форма на *-ğaj/-gaj* зафиксирована лишь в дастане «Кисса-и Буз джигит», она употребляется всего девять раз и выражает просьбу:

(1) «*bezdin sälam digäñsez*» [Там же, б. 31] / «передайте от нас привет»;

(2) «*bezneñ öjgä bargajsän, ata-anamny kürgäjsän*» [Там же, б. 32] / «навести наш дом, повидайся с моими родителями». Эта форма встречается во многих письменных памятниках и употребляется в различных значениях [6, с. 116]. Таким образом, употребление данного аффикса А. Курмаши является следованием традициям письменного языка. В современном татарском литературном языке она не стала нормой.

Желательное наклонение. Грамматическими показателями желательного наклонения языка дастанов являются аффиксы: *-yj/-äj*:

(1) «*Bu dārwişkā meñ altun bireb, doğasyny alyjk*» [5, б. 3] / «отдав этому дервишу тысячу золотых монет, примем его молитву»;

(2) «*ul bezne jaratqan alladin teläjmen*» [Там же, б. 67] / «от создавшего нас бога прошу (желаю)».

Из архаичных форм для выражения желания зафиксированы аффиксы: *-ajyn/-äjen, -uñ/-eñ, -alyq/-äliik*.

Например:

(1) «*Meñ zarymny äjtäjen*» [Там же, б. 44] / «я бы хотел сказать тысячу своих огорчений»;

(2) «*sändin başqa dustym juq, serem kemgä äjtäjen*» [4, б. 30] / «кроме тебя, у меня нет друга, кому же сказать свою тайну»;

(3) «*kileñ duslar, üsälek, Şat suyna töşälek därtle Tahir kiläder, mädädinä ireşälek*» [5, б. 49]. / «Пойдемте, девочки, к реке Шад, приплывает страстный Тахир, не окажет ли он нам свою помощь». Эти аффиксы встречаются со времен орхоно-енисейских памятников, в «Кисса-и Йусуф» [2] и в поэмах писателей XVII-XVIII вв.

Причастие настоящего времени встречается в двух формах: в синтетической, образованной при помощи аффикса *-učy/-üče*, а также при помощи характерного древнеуйгурскому языку аффикса *-ğičy/-güče*, и аналитической, образованной сочетанием деепричастия на *-a/-i* основного глагола со вспомогательным глаголом *torğan*. Приведем несколько примеров, в которых используются вышеназванные аффиксы:

(1) «*üzeyneñ teläğänigä birämän dib niñät qyjlučy idem*» [4, б. 16] / «я человек, намеревающийся выдать тебя за твоего желанного»;

(2) «*bar serlärne belgüce, jar jularyn tözğüce*» [5, б. 27] / «знающий все секреты, строящий все дороги и берега»;

(3) «*ämta ul xatyn padişah qyzynuy andaj-mondaj ešlärenä jöri torğan keşese irde*» [Там же, б. 46] / «но эта женщина была человеком, выполняющим разные поручения дочери падишаха».

Инфинитив. В дастанах отмечены следующие формы инфинитива: *-yrğa/-ergä*, *-mağa/-mägä*, *-maq/-mäk*. Из них преобладают формы на *-yrğa/-ergä*, *-mağa/-mägä*:

(1) «*Bez xəzermes baryrğa, şähär-ilgä jöregä*» [4, б. 3] / «мы готовы ходить по городу и стране»;

(2) «*könlärdä ber kön, padişahnuy küñlenä bala säüdüse kilüb, ultyrmağa täqate qalmaq y*» [5, б. 3] / «однажды падишах думал о ребенке и у него не осталось силы сесть и встать»;

(3) «*sezne bezgä birmägä şahym wägdä qylgandyr*» [Там же, б. 17] / «шах наверняка дал слово выдать вас за нас (меня) замуж».

Как основная форма инфинитива *-mağa/-mägä* активно употребляется в бабонском, касимовском, каринском, глазовском, параньгинском говорах, а также в говоре пермских татар [7, с. 212].

Форма на *-maq/-mäk*:

(1) «*häm Taxmas xan Büz egetkä birmäk buldyq, bez any qabul qyldyq, kijäw qylmağa*» [4, б. 18] / «Тахмас хан решил отдать дочку за Бүз джигита, и мы приняли его за зятя»;

(2) «*xosusaj soltanymyz äwäl Zöhräne Tahirgä birmäkkä wägdäñez bar ide*» [5, б. 64] / «наш султан, раньше у вас было обещание отдать Зухру за Тахира».

Эта форма встречается редко и характерна для огузской группы тюркских языков, употребительна в мензелинском, ичкинском, заказанском говорах, в говоре златоустовских татар среднего диалекта.

Оставаясь в своей основе татарским (а для более раннего периода поволжско-кыпчакским), этот литературный язык, на котором были написаны дастаны А. Курмаши, в различные этапы своего развития характеризовался большим или меньшим перевесом караханидско-уйгурских или южно-огузских традиционных черт. Например, к числу традиционных элементов относятся:

1. Исходный падеж на *-din*, дательный падеж имен существительных на *-yj -ğa/-i-ğä*, огузский (южный) вариант аффикс винительного падежа *-yny/-ene*.

2. Древнеуйгурский вариант аффикса причастия настоящего времени на *-ğičy/-güče*, огузская форма причастия прошедшего времени на *-myš/-meš*.

3. Огузская форма аффикса инфинитива на *-maq/-mäk* и др. В то же время следует отметить, что большинство из них привнесены в языковую ткань дастанов в целях стилизации.

Наряду с общетюркскими местоимениями *bez* «мы», *sez* «вы» встречаются также уйгурские варианты *bezlär*, *sezlär*, которые находят более широкое употребление во всех старотатарских письменных памятниках.

Перечисленные особенности характерны и для языка художественной литературы XVI-XIX вв. Уйгурские варианты направительного, исходного падежей, притяжательного склонения наиболее активны в языке произведений XVI-XVII вв., аффикс *-(y)ğa* отмечается чаще всего в языке М. Кулы (XVII в.), Х. Салихова (первая половина XIX в.), форма *-(y)din* – у Мухаммедьяра (XV-XVI вв.) и Г. Кандальи (первая половина XIX в.), огузский вариант родительного падежа активно употребляется в литературном языке XVIII-XIX вв. Что касается таких особенностей, как аффиксы винительного падежа притяжательного склонения *-(y)ny*, исходного падежа *-din*, а также *-bän*, *ošbu*, *andağ*, глагольных форм на *-maq*, *-myš*, *-ğaj*, то они параллельно с кыпчакскими формами употреблялись в старотатарском литературном языке во все периоды его существования.

Таким образом, изучение морфологических особенностей языка дастанов глагольных форм подтверждает, что в исследованных произведениях наблюдается смешанное употребление различных языковых элементов.

Список литературы

1. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 607 с.
2. Кол Гали. Кыйсса-и Йосыф. Казан: Тат. кит. нәшр., 1983. 543 б.
3. Материалы по татарской диалектологии: в 3-х т. Казань: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 315 с.
4. Уразаев-Кормаши Ә. Кыйссаи Бүз егет. Казан, 1878. 64 б.
5. Уразаев-Кормаши Ә. Кыйссаи Тахир илә Зөһрә. Казан, 1894. 72 б.
6. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 274 с.
7. Юсупов Ф. Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 317 с.

GRAMMATICAL FEATURES OF A. KURMASHI'S DASTAN LANGUAGE

Shamarova Gul'sina Baryevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Khurmatullina Rashida Shamsievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
gshamarova@bk.ru; rashida2008@rambler.ru

The article focuses on the grammatical features of individual parts of speech in the language of A. Kurmashi's dastans. The analysis shows that the morphology of his works' language is close to the modern Tatar literary language. More often Kipchak language elements lie at its core. The use of various archaic forms is the adherence to the traditions of the written language.

Key words and phrases: A. Kurmashi; grammar; grammatical features; Turkology; affixes.

УДК 81-114.2

Признавая факт функционирования русского языка в полиэтническом Дагестане и неоднородный состав населения, можно обосновать функцию биэквивалентных заимствований и систематизировать содержание терминов паронимии. Содержание биэквивалентных терминов классифицировалось при обучении паронимам на уроках русского языка. Представляя опыт развития текстологии на уроках русского языка, авторы статьи предлагают сгруппировать биэквивалентные термины в интеллектуальный язык и рассмотреть фразеологические паронимы в разговорной речи.

Ключевые слова и фразы: язык науки и образования; фразеологические паронимы; текстология; паронимия; разговорная русская речь; развитие коммуникативных навыков; дагестанские школы; коммуникативно-прагматический подход.

Шихалиева Сабрина Ханалиевна, д. филол. н.

Дагестанский научный центр Российской академии наук, г. Махачкала
sh_shihaliyeva@mail.ru

Султанахмедова Камилат Ахмедовна, к. пед. н.

Рамазанова Джавгарат Асадулаевна, к. пед. н., доцент

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ БИЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ

В научной и методологической литературе последних десятилетий отсутствует системное изложение теории текста, ориентированной на перевод. Если ознакомиться с методологической литературой, ориентированной на перевод Библии, то формирование текстов представляется небольшим количеством работ Л. М. Лосевой, И. В. Арнольда, Е. В. Падучевой, А. А. Абдуллаева, Ю. Н. Караулова, И. С. Алексеева [1; 2; 3; 7; 9; 11]. И это не случайно. Первые переводы Библии со специальными инструкциями отечественной текстологии появились в начале XX века [3; 4]. Появление переводов со специальными параллельными инструкциями литографировало отечественную текстологию XIX века. Представляя опыт развития отечественного перевода в биэквиваленте христианского атрибута, отметим, что первый русский текст Евангелия со специальными инструкциями был издан в 1860 г., а первый аварский текст – в 1870 г. Практика перевода Библии, выполненная в биэквиваленте христианского атрибута, адаптирует не только представление параллельных текстов, но и значение латинской и арабской графики. Это восприятие видов речевой деятельности предлагает иначе взглянуть на стилистические пределы текста в различных средствах коммуникации.

Опираясь на значение паронимии в различных видах речевой деятельности, можно сказать, что в культурном наследии «текста» Библии оказывается текст, открытый для пересмотра при обучении русскому языку [4]. Более того, «текст» реагирует на новые тексты и расставляет в них новые акценты и, таким образом, интерпретирует их как средство развития коммуникативных навыков в различных видах речевой деятельности. При таком подходе в обучение русскому языку можно включать обучение средствам разговорной речи. Типизируя феномены разговорной речи в различных видах речевой деятельности, рассмотрим тексты в соотношениях функционального биэквивалента «L» ↔ «R»: R – литературные языки с пометой *письменная разговорная речь*; L – бесписьменные языки с пометой *устная разговорная речь* (см. Табл. 1).

В этом случае продукт исторической текстологии учитывает проникновение прагматического механизма – текст категории «Z» (категория русского языка) (см. Табл. 2).

Нужно признать, что рассматриваемый список различает архитектуру терминов с осознанием оригинального текста. Специализированные термины оригинального текста расширяют не только пространство подлинного его содержания, но и актуализируют сферу языковой личности. Таково следствие процесса трансформации. В системных отношениях трансформации оказываются различные виды речевой деятельности: *rahim* «милость», *duniál* «мир», *zamaná* «эпоха» (см. Табл. 3).